

Сказка Туве Янссон

" В конце ноября "

Глава 10

В палатке было темно. Снусмумрик вылез из спального мешка; пять тактов не подошли к нему ближе. Никаких следов музыки. Снаружи было совсем тихо, дождь прекратился. Снусмумрик решил поджарить свинину и пошел в сарай за дровами.

Когда он разжег огонь, хемуль и Филифьонка снова подошли к палатке. Они стояли молча и смотрели.

– Вы ужинали?

– Нет еще, – ответил хемуль. – Мы никак не можем договориться, кому из нас мыть посуду!

– Хомсе, – заявила Филифьонка.

– Нет, не хомсе, – возразил хемуль. – Ведь он помогал мне работать в саду. А в доме должны хлопотать Филифьонка и Мюмла, ведь они женщины. Разве я не прав? Я варю кофе, чтобы всем было приятно. А Онкельскрут ужасно старый, и я ему позволяю делать, что он хочет.

– Ты, хемуль, только и знаешь что распорядиться с важным видом! – воскликнула Филифьонка.

Они оба устали на Снусмумрика с опаской.

"Мыть посуду, – думал он. – Они ничего не знают. Мыть посуду – это болтать тарелку в ручье, полоскать лапы, это же просто ерунда. О чем они говорят!"

– Не правда ли, что хемули всегда только и знают что распоряжаются! – сказала Филифьонка.

Снусмумрик немного побаивался их. Он поднялся и хотел сказать что-нибудь вразумительное, но ничего толком не мог придумать.

– Вовсе я не распоряджаюсь! – закричал хемуль. – Я хочу жить в палатке и быть свободным!

Он откинул дверь палатки, заполз внутрь, заполнив все пространство.

– Видишь, что с ним творится! – прошептала Филифьонка. Она подождала немного и ушла.

Снусмумрик сняло сковородку с огня, свинина сгорела в уголь. Он убрал в карман трубку. Немного погодя он спросил у хемуля:

– Ты привык спать в палатке?

– Жизнь на природе – самое лучшее на свете, – мрачно ответил хемуль.

Уже совсем стемнело, но в доме муми-троллей светились два окна, и свет их был такой же приветливый и надежный, как прежде.

Филифьонка лежала в северной гостиной, натянув одеяло до самого носа. Вся голова у нее была в бигуди, и лежать на них было больно. Она считала сучки в досках на потолке. Ей хотелось есть. Филифьонка любила стряпать. Ей нравилось расставлять на кухонных полках ряды красивых маленьких баночек и мешочков, нравилось выдумывать, как лучше употребить остатки еды в пудингах или крокетах, чтобы никто их не узнал. Она готовила так экономно, что ни одна манная крупинка не пропадала даром.

На веранде висел большой гонг муми-троллей. Филифьонка представила себе, как она ударяет по звучной латуни. "Дин-дон! – раздается по всей долине, и все мчатся с радостными возгласами: – Еда готова! Что у нас сегодня на обед? До чего же есть охота!"

На глазах у Филифьонки выступили слезы. Хемуль испортил ей все настроение. Она бы, конечно, и посуду помыла. Только по собственной инициативе. "Филифьонка должна мыть посуду, потому что она – женщина!" Еще чего! Да вдобавок еще вместе с Мюмлой!

Филифьонка погасила свет – пусть не горит зря – и натянула одеяло на голову. Скрипнула лестница. Снизу донесся слабый шум. Где-то закрылась дверь. "Откуда столько звуков в этом пустом доме?" – удивилась Филифьонка и тут же вспомнила, что в доме полно народу. И все же он по-прежнему казался ей пустым.

Онкельскрут лежал в гостиной на диване, уткнувшись мордочкой в красивую бархатную подушку, и вдруг услышал, что кто-то крадется в кухне. Звякнуло стекло. Он сел в темноте и наострил уши. "Они там веселятся", – подумал он.

Вот снова все затихло, Онкельскрут ступил на холодный пол и стал тихо красться к кухонной двери. В кухне было темно, только из кладовки падала на пол полоска света. "Ага! – подумал Онкельскрут. – Вот где они спрятались". Он рванул на себя дверь. В кладовке сидела Мюмла и уплетала маринованные огурцы. На полке стояли две горящие свечи.

– Вот оно что, тебе эта мысль тоже пришла в голову? Бери огурцы. А это – ванильные сухарики. А вот – пикули, но лучше их не ешь, они слишком острые – вредно для желудка.

Онкельскрут тут же взял банку пикулей и начал есть. Они ему не понравились, и Мюмла, увидев это, сказала:

– Пикули не для твоего желудка. Ты просто взорвешься и умрешь на месте.

– В отпуске не умирают, – весело ответил Онкельскрут. – А что у них в суповой миске?

– Еловые иголки, – отрезала Мюмла. – Прежде чем залечь в спячку, они набивают желудки еловыми иголками. – Она приподняла крышку и, заглянув в миску, сказала: – Предок, видно, съел больше всех.

– Какой предок? – удивился Онкельскрут, принимаясь за огурцы.

– Тот, что жил в печке. Ему триста лет. Сейчас он спит.

Онкельскрут ничего не ответил. Он пробовал разобраться: хорошо или плохо, что на свете есть кто-то еще старше его. Это настолько его заинтересовало, что он решил разбудить предка и познакомиться с ним.

– Послушай-ка, – сказала Мюмла, – сейчас будить его ни к чему. Он просыпается не раньше апреля. Я вижу, ты уже съел полбанки огурцов.

Онкельскрут надул щеки, сморщил нос, засунул несколько огурцов и сухариков в карман, взял одну свечу и заковылял на своих мягких лапах обратно в гостиную. Он поставил свечу на пол возле печки и открыл печную дверцу. Там было темно. Онкельскрут приподнял свечу и снова заглянул в печь. И опять, кроме обрывков бумаги и сажки, нападавшей из трубы, ничего не увидел.

– Ты здесь? – крикнул он. – Проснись! Я хочу на тебя поглядеть, узнать, как ты выглядишь.

Но предок не отвечал. Он спал, набив брюхо еловыми иглами.

Онкельскрут собрал обрывки бумаги и, догадавшись, что это письмо, стал вспоминать, куда он дел свои очки, но так и не вспомнил. Тогда он спрятал обрывки письма в надежное место, задул свечу и снова зарылся в подушки.

"Интересно, собираются ли они приглашать предка на праздник? – с горечью подумал он. – Мне-то сегодня было очень весело. Это был мой собственный день".

Хомса Тофт лежал в сарае и читал свою книгу. Горевшая возле него свеча отбрасывала на пол светлый кружок, и от этого ему было уютно в этом большом чужом доме.

"Как мы указывали выше, – читал хомса, – представитель этого необычайного вида аккумулировал свою энергию из электрических зарядов, которые регулярно накапливались в долинах и светились по ночам белым и фиолетовым цветом. Мы можем себе представить, как последний из вымирающего вида нумулитов постепенно приближается к поверхности воды, как он пробирается к бесконечному пространству болот в лесу, мокрым от дождя, где вспышки отражаются в поднимающихся из тины пузырях, и как он в конце концов покидает свою родную стихию".

"Видно, ему было одиноко и тоскливо, – думал Тофт. – Он совсем не походил на других, и в семье его не любили. Вот он и ушел от них. Интересно, где он сейчас? Доведется ли мне когда-нибудь увидеть его? Может, он покажется, если я расскажу ему толком обо всем?"

"Конец главы", – прочитал Тофт вслух и погасил свечу.